

Переславские рыболовы

«Вы не великие герои, не громкие личности, в тишине и безвестности прошли вы своё земное поприще, и давно, очень давно его оставили: но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь так же исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для нас, как мы и наша жизнь, в свою очередь, будем любопытны и поучительны для потомков».

(С. Т. Аксаков, «Семейная хроника».)

Любители

В своём труде «Записки об ужении рыбы» Сергей Тимофеевич Аксаков писал: «Но едва на какую-нибудь человеческую охоту так много и с таким презрением нападают, как на тихое, невинное ужение. Один называет его охотой празднолюбцев и лентяев; другой — забавою стариков и детей; третий — занятием слабоумных». Кроме того, большинству простых людей, особенно до революции 1917 года, крестьянам, рабочим, мелким служащим просто не было возможности заниматься этим увлекательным видом охоты. На это не оставалось времени, которое поглощалось необходимостью трудиться на работе и дома, чтобы хоть как-то сводить концы бюджета обычной по тому времени большой семьи. А для тех людей, которые всё же не могли хоть изредка не уйти с удочкой на речку, даже пословицу придумали: «Брось ружьё и уду, и хлеб будет».

Поэтому охота с ружьём и удочкой в основном принадлежала людям, материально обеспеченным. Но всё же находились любители рыболовства, которые, часто в ущерб семейному благополучию, всё же занимались рыбной ловлей и имели немудрый набор самодельного рыболовного снаряжения.

Страстные бывали любители. Я помню одного рабочего с фабрики Товарищества Переславской мануфактуры — Михаила Михайловича Нестерова (он работал присучальщиком на мялях), который почти каждое воскресенье, обычно с вечера субботы, когда позволяла смена, пешком, босиком ходил из Переславы в Усолье на свои заветные места реки Вёксы, а это примерно 20 км от города.

На реке Трубеж в черте города обычно ловили рыбу на удочку с берега только в нерест плотвы и уклей, и то немногие. Правда, были рыболовы, любившие ловить рыбу на удочку в верховьях реки и на омутах от Докуки до села Красного, и даже выше, на плотине мельницы Бубнихи.

Их фигуры, неподвижно сидящие на берегу, можно было наблюдать обычно по воскресеньям. И часто среди них можно было заметить Ивана Фёдоровича Ершова из семейства коренных переславцев, работников фабрики Товарищества Переславской мануфактуры (теперь АО «Залесье»). К вечеру они возвращались с более чем скромным уловом — в ведёрке плавало с пяток плотичек и окуньков. Но они на это не роптали, а были довольны — так приятно было провести погожий день на реке, глядя на поплавки среди листьев кувшинки, а то и подремать, лёжа на спине. Одно было плохо: придя домой, приходилось терпеливо переносить справедливый укор и ворчание уставшей от домашних дел жены.

Кроме рыбаков-промысловиков, выезжали на озеро Плещеево на любительский лов буквально единицы. Причиной тому было то, что, во-первых, нужно было приобрести и содержать лодку. Да и проезд на озеро рекой Трубеж через рыбацкую слободу всегда встречал недовольство и даже противодействие со стороны рыбаков-профессионалов, которые видели в любителях своих конкурентов. Правда, известные всему городу люди: купцы, чиновники или такие, как

*Соболев, П. В. Переславские рыболовы / П. В. Соболев // *Коммунар*. — 1996. — 24 сентября; 1 октября; 15 октября; 19 ноября. — С. 3; 4; 3; 3.

Дополнено по рукописи в собрании Дмитрия Петропавловского.

Проверено по рукописи в собрании Переславского музея-заповедника, ПЗМ-20841..

профессор П. М. Альбицкий (к тому же он многих рыбаков лечил, причём — бесплатно), блокаде со стороны рыбаков не подвергались.

Но всё же были любители рыбной ловли на озере на удочку с поплавком, рыболовы «аксаковцы», которых, кроме прелести ужения, привлекала величественная красота озера, его окрестностей.

А главное, отрешившись от всех трудовых и семейных забот, после недельного утомительного, а часто — однообразного труда, свободно подышать чистым воздухом на лоне природы, ощутить хоть временно полную свободу.

Вот о некоторых из них, рыцарях удочки и поплавок, истинных любителях этой тихой охоты и красоты природы, и пойдёт речь.

Семья Бессоновых

Во второй половине XIX столетия это была большая коренная переславская семья. Жила она в приходе церкви Рождества Богородицы (Козьмы и Дамиана), что стояла на Базарной площади, в западной её части, а сам дом их располагался на Конной улице (дом не сохранился).

Глава семьи — Дмитрий Бессонов по профессии был портным, работал на дому, сидя на традиционном «катке» (низкий широкий стол). По Переславлю Бессонов как портной значился в хороших мастерах своего дела. У него шил своё первое гражданское платье известный архимандрит Бухарев Феодор (в миру Александр Матвеевич), снявший с себя сан и монашеский клобук в 1863 году.

Жена Бессонова — в девичестве Кушникова — имела несколько монгольские черты лица, которые унаследовало большинство детей. Она была добрая и заботливая хозяйка. Детей было много: пять сыновей — Николай, Фёдор, Андрей, Александр, Дмитрий, и две дочери — Глафира и Лариса. Все сыновья были завзятые любители рыболовства, а Фёдор — и охоты с ружьём.

Старший сын Николай Дмитриевич (в семье его называли Никола) унаследовал отцовское ремесло. В двадцатые годы нашего века это был уже глубокий старик, но продолжал работать портным-надомником, то есть чаще всего его приглашали работать в дом, где была нужда «обшить» всё семейство — главным образом перелицовка старых и пошивка новых вещей.

Жил он в такой семье с питанием и ночлегом до тех пор, пока не заканчивал всю работу, а потом переходил к следующим клиентам и так далее. Работал по-стариковски медленно, но чисто, добротнo, и за работу брал недорого. Это устраивало обе стороны.

Николай Дмитриевич был мизантроп, угрюм и резок в суждениях. Религию не признавал и обрядов церковных не исполнял. Имел старенькую лодку и обычно на озеро брал с собой кого-нибудь из молодых племянников. Сам он был холост. На озере он преображался: оживлялся и добрел. Как рыболов был опытный, знал рыбные места и редко возвращался без улова.

Осенью всегда вставал на якорь против устья Трубежа, на 7—8 саженьях, [15 м] и вылавливал крупных окуней, так называемых «редких», весом в два и более фунтов. [819 г] При этом говорил, что «кто осенью не становится по устью, тот дурак». Правда, некоторые рыболовы с ним не соглашались и тянулись к Урёву — месту истока реки Вёксы из озера, называя его «рыбьим домом».

Николай был немногословен. Как-то при сильном ветре он ловил рыбу вместе с братом Александром (который был намного моложе его). Александр у своих удочек отпускал лески далеко от поплавков и ветер их перепутывал. Глядел на этот непорядок Николай, глядел, и наконец изрёк: «Подбери соплю», — то есть убавь отпуск у лесок.

Вообще, он был большой оригинал, но для того времени довольно развит и начитан. К порядкам самодержавия относился критически, вина не пил, но курил много. Умер в начале двадцатых годов, исповедоваться и причаститься перед смертью наотрез отказался.

Второй сын Бессонова Фёдор Дмитриевич работал вышивальщиком на переславской фабрике Гикиш—Засс. Последнее время жил он в Фёдоровской слободе, во флигеле дома художника Д. Н. Кардовского. Он рано овдовел, и в его семействе вела хозяйство сестра, старая дева Глафира Дмитриевна. Жили они во флигеле бесплатно, так как совмещали охрану усадьбы в отсутствие хозяев, то есть по зимам.

Фёдор Дмитриевич имел двоих сыновей, любил ружейную охоту, но увлекался и рыбной ловлей.

Третий сын семьи Бессоновых Андрей Дмитриевич также работал вышивальщиком, но на фабрике Гольмберга. Имел лодку и увлекался рыбной ловлей на озере.

Больше других членов семьи Бессоновых мне пришлось наблюдать и общаться с четвёртым сыном — Александром Дмитриевичем. Одно время мы жили в одной коммунальной квартире, на Комсомольской площади, 39.

Александр Дмитриевич Бессонов родился в 1879 году, окончил городское училище (что по тем временам считалось значительным образованием). Работал в должности конторского служащего на вышивальной фабрике Гикиш—Засс, а потом — в Товариществе Переславской мануфактуры. Он был очень любознательный, много читал, причём в основном — классиков. Из писателей очень ценил И. А. Гончарова и Н. С. Лескова. Любил стихи Тютчева, многие знал наизусть.

А когда ему случалось по командировке от фабрики попадать в Москву, обязательно посещал Художественный театр, экономя во всём остальном, и наслаждался игрой таких корифеев сцены, как Качалов, Москвин, и других актёров первого состава труппы театра. Он сохранил эти воспоминания о незабываемых спектаклях на всю жизнь.

Он много прочёл из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, на что потратил много зимних вечеров в течение ряда лет. (При кабинете директора этот словарь был, и он мог им пользоваться и брать на дом.)

Был со всеми предупредительно вежлив, доброжелателен. Имел хороший слух и небольшой голос (второй тенор), пел в церковном хоре Троице-Сергиевой церкви, которым руководил любитель купец-промышленник Владимир Константинович Симаков.

Ко всему этому был Александр Дмитриевич мечтателем, любил всё «высокое и прекрасное», разговоры о литературе и искусстве. В Переславле его называли «поэзией», чем он, кажется, немножко гордился и в разговоре иногда добавлял, что у него был приятель, которого звали «прозой».

Любил природу во все времена года, и летом часто гулял по склонам Горицкого монастыря, где собирал полевые цветы, особенно любил ромашки. Вина никогда не пил и не курил.

Женился Александр Дмитриевич поздно, в 35 лет, на учительнице начальных классов Павле Ивановне Лобцовой. Её отец был псаломщиком Крестовоздвиженской церкви (в народе её больше звали Варваринской), что стояла возле дома Темериных (сейчас военкомат). По характеру его супруга была ему прямым антиподом — то есть женщиной практичной, не витала в эмпиреях. Но, несмотря на эту разницу, видимо, благодаря лёгкому характеру супруга, они вполне уживались, он её часто шутя называл «хозя» — уменьшительное от хозяйки.

Александр Дмитриевич был настоящий рыболов-аксаковец, признавал ловлю рыбы только на удочку с поплавком и только на озере. Этим он отличался от С. Т. Аксакова, который любил ловить рыбу с берега, чувствуя под собой землю.

Лодка у Александра Дмитриевича была всегда хорошо окрашена, и поплавки и удилица тоже. Поплавки из тростника — обычно в два цвета, так что когда стоял он на озере, вид его лодки и удочек с распушенными поплавками был очень живописен. Удилища у него были или целиком можжевельные, или с можжевельными наконечниками. Весь остальной инвентарь: шкатулка для лесок и крючков, подсачек, садок для рыбы и даже ящик для червей — добротны сделаны и содержались в порядке.

Эти орудия лова делал ему Василий Иванович Дьяков, большой мастер столярного и малярного дела. В первые годы революции он по заказу красиво писал плакаты к революционным праздникам. Жил он в маленьком домике на Ростовском переулке (теперь улица Кузнецова), дом не сохранился.

Кроме книги С. Т. Аксакова «Записки об ужении рыбы», он очень ценил книгу Леонида Павловича Сабанеева «Жизнь и ловля пресноводных рыб», изданную в 1911 году, которая была у него настольным руководством.

По зимам, обычно с февраля, у А. Д. Бессонова начиналась подготовка к летнему сезону. Нужно было скрутить новые лески взамен утраченных. В то время жилки типа «Сатурн» ещё не было, и лески употреблялись из конского волоса: от 2 до 8 и даже 12 волосков (на больших окуней и налимов). Причём нужно было приобрести волос белый и обязательно от лошади мужского пола. Нужно было вести дружбу с конюхами, что при наличии у фабрики конного двора было делом несложным — лошадей было много. Волосы тщательно мылись с мылом, выравнивались по длине в колено и вручную (пальцы предварительно опускались в зубной порошок или мел) скручивались и связывались рыбацким узлом в лесу длиной до 10—12 сажень (15—18 метров). Рыболовная «сажень» (маховая) считалась длиной в размах рук рыболова, то есть от 150 до 170 см, тогда как нормальная сажень (3 аршина) равна 213 сантиметрам.

Отвечая на вопрос, на какой глубине он стоял, рыболов говорил именно про маховые сажени.

Как я уже говорил, удилица у Бессонова были из можжевельника, в этом ничего удивительного нет — в те годы на западном берегу озера можжевельник рос в большом количестве и достигал высоты до трёх и более метров.

Проверялись на прочность поводки, тщательно и осторожно подтачивались надфилем крючки, проверялись грузила (обычно из охотничьей дроби разных номеров) и так далее.

Вся эта кропотливая, но приятная работа по подготовке снастей к новому сезону, связанная с воспоминаниями о прошлых тихих охотах с удочками, заполняла живым интересом зимние вечера. И это трепетное ожидание весны, лета, когда снова можно будет ранним утром или даже с вечера выехать на озеро, наловить рыбы на уху, сойти на берег, развести костёр, сварить уху и вскипятить чай, а с рассвета снова встать на якорь в любимом месте и забыться от всех забот и огорчений по-аксаковски.

Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды...

Эти строки часто декламировал Александр Дмитриевич.

На насадку (наживку) обычно применялись навозные черви, которые хранились в деревянном ящике с землёй и поливались для их бодрости спитым чаем. Осенью на крупного окуня наживкой служил малёк разных рыб или рыбка «секушка» — щиповка, которая обитала в «горошине» (водоросли на мели) и ловилась, как и малёк, на «паук» — железный обруч с натянутой сеткой.

Александр Дмитриевич вёл дневник — я видел и читал его записи с 1918 по 1930 годы, — в которых он отмечал начало ледохода, его первые признаки, появление струи на Трубеже, а потом — о своих успехах: сколько поймано и какой рыбы (причём и о той, которая «ушла», и какие были при этом переживания).

Как рыболов, Александр Дмитриевич Бессонов имел большой опыт, хорошо знал распределение рыб в озере в зависимости от времени года, направления ветра и других признаков.

Но имел и серьёзный недостаток: он был нетерпелив во время ужения при хорошем клёве. Обычно на озере рыболовы распускали лески из трёх-четырёх удочек с разными отпусками от поплавков, и нужно было иметь выдержку и ловкость для управления ими при активном клёве.

Он сам рассказывал о своих ошибках и неудачах. Как-то раз он поехал на озеро со своим зятем Василием Ивановичем Новиковым. Встали на якорь, распустили удочки (у каждого по четыре), сразу пошёл хороший клёв на среднего окуня. Александр Дмитриевич в азарте сперва запутал леску на одной удочке, потом на второй, третьей и наконец на последней. И от досады даже заплакал. Тогда зять, спокойно справляясь с ловом, пожалел его и отдал свою удочку.

Но зато Александр Дмитриевич был прекрасный рассказчик, очень живописно изображал раннее утро на озере, клёв налимов, ершей. Обладал чувством юмора, как образец привожу содержание его письма-открытки своему товарищу детства, лето 1955 года. На открытке фотография устья Плещеева озера.

Самое начало просторов озера Плещеева (р. Трубеж только что кончилась). Правда, тебя ведь не удивишь просторами (ты их видал), но ведь эти просторы родные, и много прекрасных переживаний дают переславским патриотам, к которым причисляю тебя! Просматривая энциклопедию Брокгауза, узнал (только ты не поверишь), что знаменитая Демьянова уха была приготовлена из рыб Плещеева озера??? Но ты ведь Фома Неверный и убедить тебя трудно... Ты даже Брокгаузу не поверишь... На озере сейчас появилось много моторных лодок...

Примерно до сороковых годов ловля на блесну (дорожку) на озере мало практиковалась. Блёсны обычно распускались при движении до места намеченного лова. Но затем в периоды «щучьего жора» (июнь, август) они стали широко применяться. (Годы войны приучили к этому.) Но рыболовы-аксаковцы блесной почти не пользовались, или очень редко, предпочитая спокойное ужение на поплавочную удочку.

Большой жизнелюб и оптимист, Александр Дмитриевич часто восклицал, особенно на озере: «Жить хочется, любить хочется». Увлекался молодыми женскими лицами, называя их «грёзовскими головками», но любовь понимал только платонически. Не выносил грубости, особенно нецензурных слов (матерщины), с горечью называя это «народным эпосом».

В преклонном возрасте, услышав о смерти сверстника, обычно говорил: «Бедный, бедный, но это ещё не нам, мы ещё поживём».

Над его кроватью висела схематическая карта озера с указанием ручьёв, речек, впадающих в озеро, с примерными озёрными глубинами и населёнными пунктами, окружающими озеро. И живописный портрет его матери, написанный художником-богомасом во время поновления живописи в церкви Козьмы и Дамиана. Художник жил у Бессоновых на квартире и в благодарность за её заботливое и доброе отношение к постояльцу написал её портрет.

Под конец жизни Александр Дмитриевич ослеп и не мог ездить на озеро, о чём сильно переживал. Как-то раз я и Пётр Николаевич Весёлкин пригласили его поехать с нами на озеро половить ершей. Он был очень рад и даже удочку свою захватил, но видеть поплавок не мог и примотал леску на палец. Ерши клевали активно, и ему доставляло огромное удовольствие вытаскивать их с трёх саженок.

И ещё хочется упомянуть одно его свойство. Александр Дмитриевич был очень отзывчив на чужое горе. Приведу два примера. Во время войны моя жена осталась с двумя малышами, пяти и трёх лет, и моей матерью, старухой 74 лет. Как-то в 1942 году ночью был налёт немецких самолётов на Ярославль, пролетали они над Переславлем, и жители нашего дома на Комсомольской площади побежали к щелям в район Маловского сада. Александр Дмитриевич предложил помочь перенести спящих детей в укрытие. Но жена и мать решили остаться в квартире — будь что будет. К счастью, самолёты Переславль не бомбили. А когда в 1944 году наш сын Коля умер в больнице и Зина, завернув его в простыню, на руках принесла домой, Александр Дмитриевич первым пришёл выразить сочувствие и сказать слова утешения, а потом не выдержал, сам разрыдался и убежал.

Скончался он в 1959 году в возрасте 80 лет, похоронен на городском кладбище близ Черниговской часовни. Отсюда прекрасный вид на озеро и Никитский монастырь.

На могиле нет никакого памятника, только холмик, покрытый травой, а если бы он был, к нему пришлось бы строки из стихотворения С. Т. Аксакова.

Прощайте, горы и овраги,
Воды и леса красота,
Прощайте ж вы, мои «коряги»,
Мои «ершовые места»!

Фёдор Иванович Талалаев-Рощин

Это был тихий застенчивый человек, жизнь которого сложилась довольно трудно. Семья Талалаевых состояла из пяти человек. Мать — Анастасия Степановна, полуслепая старуха, редко слезавшая с печи, две незамужние дочери — Пелагея Ивановна и Мария Ивановна (последняя была послушницей Никольского монастыря и лишь изредка навещала семью). Холостой младший брат Андрей Иванович, человек ленивый, постоянно нигде не работавший. В двадцатые годы нашего столетия материальной основой семьи был старший сын Фёдор Иванович, с мальчишек прошедший конторские должности и за сметливость, трудолюбие и честность получивший должность кассира фабрики Товарищества Переславской мануфактуры. На его жалованье и существовало это оригинальное семейство. В то время наша семья жила в одном с ними двухквартирном доме во дворе фабрики. (Дом этот с переделками существует и сейчас, в нём расположилась контора ЖКО). Мы занимали южную половину, они — северную.

На улице Валовое кольцо у них был свой дом (он и сейчас ещё стоит под № 13), но был он запущен, и в нём жили квартиранты, видимо, за очень небольшую квартирную плату. Потом переднюю часть дома они продали, а в задней доживал свой век Андрей Иванович, умерший в начале пятидесятых годов.

Старуха-мать, да и Андрей Иванович, и Пелагея Ивановна были о себе высокого мнения, и хотя жили за счёт трудов старшего брата, но принимали это как должное и относились к Фёдору Ивановичу без положенного уважения и внимания.

Фёдор Иванович тоже был холост, в этой обстановке трудно было бы завести собственную семью. Находил он покой и отдых только на озере за рыбной ловлей.

Как рыболов он был вдумчив и спокоен, имел лодку и снасти и всё это содержал в хорошем состоянии. Он никогда не повышал голоса, самое сильное бранное слово (на мальчишек, которые баловали в его лодке) у него было — подлец.

Иногда с ним на озеро выезжал директор фабрики Фёдор Иванович Орелль (англичанин), который также очень ценил отдых на воде. Ф. И. Талалаев заразил страстью к рыболовству моих братьев: Сергея, который работал на фабрике в конторе, и Николая, гимназиста, и брал их иногда на озеро в своей лодке.

Фёдор Иванович, несмотря на свою застенчивость, посещал клуб и библиотеку Народного собрания на Семёновской (сейчас — Ростовской) улице в доме Пилкина, где принимал участие в любительских спектаклях. В пьесе М. Горького «На дне» ему очень удалась роль странника Луки.

Умер он в 1922 году скоропостижно, во сне, от паралича сердца. Ему было 40 лет. С его смертью кончились хорошие дни семейства Талалаевых. Пелагее Ивановне пришлось идти в подметалки на фабрику, а Андрею Ивановичу — в сторожа.

Пётр Михайлович Альбицкий

Одним из любителей этого вида охоты можно также назвать академика, профессора медицины Петра Михайловича Альбицкого, уроженца Переславля, который всё своё свободное летнее время посвящал охоте с ружьём, а с возрастом главным образом — ловле рыбы на удочку.

Проведя детство в Переславле в Фёдоровской слободе, где был небольшой пруд, в котором водились караси, он с детских лет пристрастился к ужению рыбы.

Интересно его письмо к старшему брату по случаю его юбилея (50 лет служения священником церкви села Шекшово Владимирской губернии, 1914 год), в котором он живо рисует обстановку своего детства и, желая доставить приятное брату-юбиляру, с юмором вспоминает его молодость:

Вы увлекались тогда собиранием грибов и удили рыбу, а я помогал Вам рыть червей. Настолько я могу судить теперь, удили Вы плохо: суетливо, без выдержки и даже до несурзанности горячо. Нередко на крючке оказывалась одна губа того карася, который собирался полакомиться Вашим червяком, а поживившийся карась извлекался из воды с такой силой, что, сорвавшись в воздухе и перелетев через крутой берег пруда, попадал в рожь на Ямском поле. Удочки содержались Вами крайне небрежно — они пихом, кое-как ставились около родного крыльца, удилица изгибалась чуть ли не в дугу, концы лесок с крючками болтались в воздухе или валялись на земле.

Нередко, заторопившись домой, Вы даже не снимали червяков с крючков после ужения. Этих червей у заднего крыльца отклёвывали куры, и не раз, бедные, попадали на крючок самым основательным манером...

Внук П. М. Альбицкого — Пётр Николаевич Весёлкин рассказывал, что часто в озёрных поездках он сопровождал деда. Эти выезды были обычно с ночёвкой на западном берегу озера; иногда на озере они проводили два-три дня.

Лодка у Альбицких была большая, рыбацкого типа, то есть долблёное корыто из осины с нашивными кленинами — такая, как стоит в музее.

Обычно ловля рыбы проводилась в строгом молчании и тишине, а разговорам отводились вечера во время ночлега.

Пётр Николаевич до последних лет жизни хранил как память дедово рыболовное снаряжение: лесы, поплавки и другое.

А. Д. Бессонов рассказывал, что, работая в конторе вышивальной фабрики Гикиш—Засс, окно которой выходило в сад Альбицких, он часто видел, как Пётр Михайлович на балконе второго этажа обстоятельно занимался проверкой и ремонтом рыболовных снастей, готовясь к выезду на озеро.

Папаша Виктор

В конце 40-х и начале 50-х годов на озере можно было видеть оригинальную фигуру бывшего священника Симеоновской церкви отца Виктора Веселовского. Он уже не служил, был на покое, и жил уже не в Переславле, но на лето приезжал сюда и обосновывался в Рыбаках, в доме налевой набережной, где снимал комнату и пользовался лодкой.

Каждый день отец Виктор (рыбаки за глаза называли его «папаша Виктор») выезжал один на кормовом весле на озеро и вставал обычно напротив устья по пяти главкам церкви Сорока мучеников и ловил себе на пропитание рыбу — на уху и жаркое. Наловив рыбы на эту

потребность, даже в хороший клёв, больше не удил и возвращался на квартиру готовить себе обед. И так изо дня в день.

В один из таких моментов его сфотографировал издали Пётр Николаевич Весёлкин.

Другие

Среди служащих и рабочих фабрики Товарищества Переславской мануфактуры были и ещё любители и мастера ужения рыбы на удочку.

Хорошо знал и часто встречал на озере семейство Емельяновых-Талалаевых: главу семьи Ивана Андреевича, его сыновей Сергея и Анатолия, и брата — Андрея Андреевича Талалаева.

Счетовод прядильной конторы Георгий Васильевич Прогонов как рыболов отличался большой наблюдательностью по погодным условиям и в связи с этим по поведению рыбы. Один из немногих, применял ужение рыбы на озере без поплавок, только наблюдая поведение кончика удочки.

Братья Василий Филиппович и Александр Филиппович Аникины также были приверженцы ловли рыбы только на удочку с поплавком.

Братья Захаровы — Иван Иванович и Пётр Иванович, особенно после войны, больше увлекались ловлей на блесну, поэтому в разряд «аксаковцев» не попадают.

Тони

А теперь несколько слов о том, как любители-рыболовы ориентировались в водах озера Плещеева, общая площадь которого составляет почти 50 квадратных километров.

Рыбаки-профессионалы издавна поделили озеро на отдельные береговые участки, так называемые тони. По всему периметру озера их насчитывается более 70, точнее — 74, и каждый участок имел своё название, протяжённость участков составляла от 200 до 400 метров. Среди них были названия, объединяющие по несколько смежных тоней. Например, Еглево объединяло 3 смежных тони, Павлово — 4, Рогоза — 4, Глумичево — 4, Решная вода — 9, Мели — 4, Гридни — 5, Оная — 9, Ровный берег — 4, Грязи — 6, остальные 22 участка имели одиночные названия. Рыбаки ориентировались по ним при ловле сетями.

Любители ориентировались на озере для выбора места лова по населённым пунктам и местечкам, расположенным вокруг озера, по речкам и ручьям, впадающим в него, и в какой-то степени — по названиям групповых тоней.

Если мы представим себя в устье реки Трубеж и мысленно пойдём по окружности озера, начиная с левого берега по движению часовой стрелки, то встретимся с такими приметными местами: церковь Сорока мучеников, Горицкий монастырь, река Вёськовка, село Вёськово, ручей Вознесенский (Павлово), Ботик, речка Гремяч, Еглево (Егеревы кусты), деревня Веслево, речка Куротня, село Соломидино, ручей Сосенка, Симак, речка Колыберка, ручей Сиваныч, избушка, Урёв (исток реки Вёксы), ручей Дедовик, речка Кухмарь, деревня Криушкино, Синий камень, Александрова гора, село Городище, село Ягреново (церковь), Слуда Малая, Слуда Большая, Никитский монастырь, Галев ручей, водокачка. Были ещё два ориентира: колокольня Усекновенской церкви и Введенская церковь, но они теперь не существуют.

Когда рыбака-любителя спрашивали, где он стоял на ловле, тот называл один из вышеприведённых ориентиров и добавлял, на какой глубине, то есть на скольких саженьях стоял: «Стоял по Городищу на 8 саженьях», или «Стоял по Еглеву на 6 саженьях», и так далее. Конечно, эта ориентировка по точности была довольно относительной, но любитель-рыболов был ею вполне удовлетворён.

Появление в 50-х годах на озере лодок с подвесными моторами мощностью от 1,5 до 10—12 сил (их насчитывалось до 2 тысяч) привело сюда большое количество рыболовов, но, к сожалению, часто с браконьерским уклоном.

С момента запрета движения моторных лодок по озеру количество рыболовов-любителей резко сократилось. А о рыболовах-«аксаковцах» остались только воспоминания.

П. Соболев.
1993.